

Параллельные миры Александра Дзюкуна

(Окончание)

Мгия движения здесь сравнима с ритуалом: спектрозные выходы слуг в «Фортуне», чьи действия сопряжены с цветавеской рифмой, застольные священнодействия и плавные парамедии актеров по сцене в «Белой гвардии», гипнотизирующие взгляд замысловатую вязью вензелей — в этом есть своя внутренняя игра, своя музыка.

Артистическая спелость Дзюкуна столь близка к совершенству, и столь велика заложенная в них энергия, что в языческом трапезе и восторге воспримается, будто сам легендарный Орфей пробудил эстетические силы и заставил воссиять свою душу-Зардинку. Ибо музыка в этом театре — творец и исполнитель, слуга и госпожа. Подчиненная строгой лире, она выстраивает спектакль по канонам полифонического письма и, как в «Путешествии дилетантов», переплетает темы любви, судьбы, свободы, смерти в причудливые контрапунктические узоры.

В этом царстве гармонии музыка является во всех своих ипостасях: в эвфонии речи, в пении и танце, в органичной слиянии с драматургией спектакля и даже в едва уловимом облике. В «Белой гвардии», в программном варианте молодого Гую, она озвучивает о выходе героя и намекает на события за сценой, но, как скрытая музыка, она равнолика стихии. «Вадь он просит у нас житья», — тихо говорит о Лариосике Елене — «Житья!» — в полубреду стоном отключается Аляксей, и какарыжка своим верещением подхватывает эту мольбу, которая молится в сольном зоре и улетает в бесконечность, приобретает смысл вселенского значения.

Звуки музыки Шнитке, Гайдна, Мессияна, Шопена проливаются всю тьму спектакля, уподобляя их звучащему Космосу. Музыка снимает и растягивает время, заставляя этот космос ритмически пульсировать, она расширяет сценическое пространство и растворяет его в себе. Музыка погружает в состояние внутреннего созерцания — или врывается зачитываемым вальсом в тревожную тишину «Путешествия» и покидает демонический дух Лермонтова, чтобы включить его в сакральнейший танец со смертью. Порой кажется, что музыка в театре живет своей собственной жизнью — она тарит над миром сцены, вбирая в себя скорби и заботы. Она как бы рождает мистерию «Христос и мы»

из завязанной ветра и мотва чесночковой «Жертвы вечерней», который под натиском диссонансов «Ревизской сказки» уродуется и дробится, как разбитый сосуд чевенгурских душ. Обрета цельность и ясность лишь в финале, церковный псалом обволакивает сердце и уносит его на своих могучих невидимых крыльях к ступеням Храма, приобщая и сострадания и показанию.

По идее, почти все творения сфератоского Мастера могут быть причислены к жанру мистерии, хотя обозначены там лишь «Христос и мы». Утверждать это позволяет не поминание в них имени Господа, не обилие крестов и свечей и не познания ритуала — это излюбленной формы подачи мизансцен. Другое: особый магнатический настрой спектакля. Этот зодчий обращается не только к интеллекту с его обостренной зависимостью от внешнего мира, но к чувству и к самым глубинным слоям души. Он пытается раскрыть интуитивное значение человека о его месте в мире, восстановить контакт с нимыми уровнями собственного бытия посредством звуков, света, цвета и линии.

«Что есть истина?» — снова и снова казлит себя вопросом Пилат, изброшенный Булгаковским Мастером в сферы вечного молчания. Раз поставленный сердцу вопрос терзает и мучит, принуждая уже режиссера «Мастера» пристально всматриваться в себя и ложным светляком давать варианты ответов-исповедей. Конечно же, Александр Дзюкун — певец Логоса и Гармонии. Но при том, что он подчиняет стихийное дионисийское кельво аполлоновскому свету Разума, в его спектакле продолжает звучать сила эвхаристических и кригистических мистерий. Воссоздавая художественное пространство, определяемое драматургией, Дзюкун как бы разворачивает его в «параллельных мирах», имеющих смысл высшей реальности. Реальности, фокусирующей извечные проблемы и ценности человечества и направляющей нашу историю и культуру к предначертанной цели. Прозревая ее какими-то непостижимым образом, он, как иный вестник, дает людям силу почувствовать связь образа искусства высшую правду и свет, льющийся из миров иных.

Юрий АНАНЬЕВ
Нижний Новгород

ТЕАТР ВОЗБНОВЛЯЕТ СПЕКТАКЛИ НА СТАЦИОНАРЕ

РЕПЕРТУАР АПРЕЛЯ 1992 ГОДА

7 вторник, 17 пятница, 25 суббота

Булат ОКУДЖАВА

преьера

ПУТЕШЕСТВИЕ ДИЛЕТАНТОВ

исторические фантазии

8 среда, 15 среда

Михаил БУЛГАКОВ

ЗОЙКИНА КВАРТИРА

трагический фарс

9 четверг, 14 вторник, 18 суббота

Александр ДЮСМА — отец

МОЛОДОСТЬ ЛЮДОВИКА ХИУ

комедия

10 пятница, 16 четверг

Шодерло де ЛАКЛО

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

пьеса Кристофера Хэмптона

11 суббота

Марина ЦВЕТАЕВА

ФОРТУНА

трагические миниатюры

12 воскресенье, 19 воскресенье

Михаил БУЛГАКОВ

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

роман

21 вторник, 22 среда, 23 четверг,

24 пятница, 27 понедельник

преьера

Клайв ПЭТОН

ДОДО

комедия

28 вторник, 29 среда (в 10 и 13 часов)

преьера

Михаил ЧЕХОВ

СКАЗКА ОБ ИВАНЕ-ДУРАКЕ

по народной сказке Льва Толстого

Сцена из спектакля «Фортуна»

Фото Вячеслава ПОМИГАНОВА

Ответственная за выпуск Е. В. Чуваев

Наш адрес: 410 078, Саратов, ул. Рабочая, 116

Телефоны: 25-02-47, 24-04-49

Отпечатано офсетным способом в типографии № 1 (ул. Вишневая, 10)

Тираж 3000

Заказ № 1377